

ГОРЬКИЙ — ВОРОНСКОМУ

<Сorrento, 17 марта 1928 г.>

Уважаемый г. Л. Анисимов.

Разрешите сказать несколько слов по поводу Вашей отличной статьи «Вопросы художественного творчества»¹. Статью эту я назвал отличной не «из любезности», а по ощущению силы стремления Вашего к гармонизации мнений,— силы, которой Вы насытили статью. Нижеследующее говорится не в целях полемики с Вами и — поверьте! — не по желанию «учить», нет! Я сам все еще ученик и таковым пребуду до конца дней моих, ибо: познание есть наслаждение. К тому же: в отношении к человеку мною руководит — прежде всего — чувство моего равенства с ним.

* * *

Вы, новые люди, мужественно взялись за великую работу гармонизации жизни и само собою разумеется, что гармонизация мысли также необходима. Мысль есть «орудие производства» временных истин, которые, не имея ценности абсолютной, обладают неоспоримой ценностью биологической, — при условии, если они способны усилить активность людей в процессе покорения и осваивания стихийных энергий природы и в процессе создания «второй природы».

Вы приписали мне взгляд «на природу, на космос как на хаос»,— это не совсем верно. Не стыжусь сознаться, что космос мало интересует меня. Когда я читаю труды космологов, астрофизиков и астрономов,— я искренно восхищаюсь работой их воображения, интуиции, силою логики, но космос все-таки остается для меня областью многозначных чисел. Соглашусь, что это — величественно, однако было бы скучно, если б человек не населил область эту в древности — страхами и ужасами, позднее — богами и, наконец, — «закономерностями». Закономерность явлений космоса я всецело приписываю мощным усилиям разума и воображения видеть бытие как гармонию, и, так как наша наука гармонию эту установила, — меня космос интересует только со стороны его влияния на литературу, как хорошая тема для поэтов. Миры возникают и гибнут, кометы бесприютно бегают «вокруг бесчисленных светил» и все вообще идет, как предугазано астрономами, ну и — прекрасно! Займемся своим, земным делом, не менее прекрасным.

Вы сказали также, что я «не верю в прочность мира». Не вижу мотивов для такого утверждения. Нет, я убежден, что мир достаточно прочен и что в нем можно работать, не смущаясь размышлениями о гибели его. Что же касается природы, на мой взгляд, она — сырой материал, который обрабатывается и должен обрабатываться все более активно, более умело нашей волей, интуицией, воображением, разумом в интересах нашего обогащения ее «дарами»,— ее энергиями.

Познание — инстинкт, такой же, как любовь и голод. Я уверен, что инстинкт этот должен развиваться и углубляться все более напряженно, работать все более революционно, по мере того, как новая культурная сила будет все яснее сознавать взаимную связь всех творческих и трудовых процессов; — Вы, конечно, согласитесь, что при наличии производственной и всяческой анархии, неизбежной в классовом обществе, взаимодействие этих процессов рабочему неясно.

Вы говорите, что от моих взглядов «прямая дорога к философскому и художественному солипсизму». Думаю, что у меня нет и не может быть причин бояться этого «уклона». Я — антропofil

и геофил: для меня, прежде всего, существует человек и земля, на которой, работая, он создает для себя «вторую природу».

Идеализм для меня неприемлем не только потому, что мой «идеал» — человек, творец всех идей, всех чудес, и что я убежден в неограниченности развития способностей человека — идеалистические системы философии органически чужды мне, потому что они, в сущности своей, глубоко пессимистичны в отношении к человеку, рисуют мир как среду, навсегда враждебную ему, а враждебность эту — неодолимой силами человека, тоже навсегда. Вы знаете, что пессимизм основан не на познании мира, а на страхе человека, отколовшегося от мира, — на страхе пред людьми и пред — будто бы — неразрешимой социальной трагедией (созданной классовой структурой общества). Прекрасное человеческое дело познания и украшение земли идеализму чуждо, он ищет утешения всегда в «потустороннем» и «сверхъестественном» — будут ли это Платоновы идеи, рай христиан или «инобытие» мистиков. Для меня «сверхъестественное» — здесь, на земле и в животном мире ее, это — сам человек с его такими «безумствами», как попытки трансформации материи, попытки превращения материи в энергию, вообще — его стремление поработить силы природы и этим прекратить навсегда борьбу за обладание энергией, т. е. — в конечном результате — борьбу за существование. Опираясь на опыт и успехи нашей науки, уже не могу и не вправе думать, что борьба за жизнь дана людям навсегда.

Таким образом, идеализм для меня решительно враждебен не только его пессимистической сущностью, но потому еще, что он глубоко реакционен, ибо — религиозен. Отцам христианской церкви было за что хвалить Платона.

Материализм не враждебен мне, но, конечно, и по отношению к нему я стою в позиции еретика. Здесь мое разноречие не в том, что, по мнению некоторых крупных ученых, материализм уже во многом не согласуется с теорией атомов и что один знаменитый физик, современный нам, самое понятие материи формулирует так:

«Материя есть то место пространства, в котором мы объективируем наши впечатления».

Это меня мало трогает, я не философ.

Но я думаю, что материализм тоже «временная истина», а мне часто кажется, что некоторые толкователи материализма возводят его на степень истины абсолютной, вечной. А так как всякие абсолюты неизбежно напоминают мне боги свойства — всемогущество, всеведение и прочие, и так как всякая религия по существу своему *нечеловечна*, то я опасуюсь: не проникло ли в новые слова очень старое и вредное содержание?

Затем: у материалистов заметно желание упростить и механизировать человека, а это уже привносит в область социальной морали нечто сродное «тэйлоризму», «фордизму» и прочим ухищрениям, имеющим целью эксплуатацию человека только какместилища физической силы.

Повторю: человек для меня выше всех идей и всех дел своих, рабочий выше и ценнее продуктов его труда.

Ценность же истины я вижу только тогда, когда она усиливает и дисциплинирует активность человека, не искажая и не ограничивая его. Не должно быть истины, пред которой человек склонял бы голову и преклонял колена. Восторг творца пред созданием своим может увенчаться гордостью, но недостойно человека раболепствовать пред делом разума и воли его.

На длиннейшем, на извилистом пути моем я встречал немало сектантских начетчиков, партийных лидеров, церковников, редакторов журналов и вообще «учителей жизни». И только один Владимир Ильич никогда не вызывал у меня впечатления «слу-

жителя идеи», но всегда был в глазах моих творцом идей.

* * *

Возвращаясь к вопросу о моем взгляде на природу, скажу: у меня нет оснований восторгаться ее творчеством. Она создала человека четвероногим зверем, ничтожеством против мамонта и других зверей; — человек сам, без ее помощи должен был дорасти до Архимеда, Демокрита, Шекспира, Менделеева, Резерфорда, Павлова и т. д. Природа, как известно, тратит огромное количество энергии на создание вшей, комаров, кротов и прочей вреднейшей дряни, ей же «нести числа». Васильки во ржи — прелестны, но ведь это — паразиты. По должности «художника» я, разумеется, отношусь к цветам с восхищением, но нахожу, что зооботаника и агрономическая химия не менее восхитительны. А сколько бесполезных для человека сорных трав истощают соки земли? Бациллы и бактерии, разрушающие организм человека, созданы природой, — Пастер, открывший путь для борьбы с болезнетворными началами, воспитан наукой, т. е. — «второй природой». Нельзя забыть, что на одних точках земли нашей природа выращивает апельсины, миндали и всякие сладости, а на других только мох и даже редьки или хрена не вырастит.

Землетрясения, наводнения, ураганы, засухи, свирепые морозы и многое прочее, все это — «закономерные явления природы», но я склонен думать, что мы считаем их таковыми отчасти из великодушия, а больше потому, что еще не умеем бороться против них. «Закономерности» — утешительны, но не следует забывать, что в области социальной, где свирепствует беспощадная борьба за обладание энергией, закономерными считаются такие факты, как расстрел рабочих на Лене, казнь Сакко и Ванцетти после семилетних мучений, «кровавое воскресенье» и бесчисленное количество фактов такого порядка. Существует класс людей, которым выгодно думать и воровать, что природа удивительная милотка, а трудовой человек — негодяй. Вера эта основана на том, что бороться против человека легче и тем более легко, что против его борются его же силою. Борьба с природой в задачи командующего класса не входит, ибо класс этот знает: топливо и пищу для него дешево достанет рабочий, машину изобретет ученый, приятное глазам и «душе» создаст художник.

И вот мне кажется, что навыки мысли людей паразитарного класса несколько заразили и врагов этого класса.

Не стану напоминать о том, что в человеке осталось очень много зоологического, от первой природы, создавшей его животным. Напекаю не на «рудиментарные» органы, вроде «червеобразного отростка слепой кишки», а на страхок человека пред людьми, — страхок, который всегда можно прощупать в каждом индивидуалисте, — на страхе пред силою способностей человека, на стремлении веровать, все еще преобладающем над стремлением познавать и создавать. Так что для меня природа, если и не хаос, то уж, конечно, не гармония, а именно — материал. Наша человеческая задача — обработать, гармонизировать этот сырой материал, извлечь из него столько энергии, сколько ее потребно для того, чтоб освободить человека от необходимости затрачивать его силы на каторжный и бессмысленный труд во славу и для удовольствия паразитов, которые должны быть уничтожены не только в человеческом обществе, но и в природе.

Наступило время, когда класс, заботившийся только о своем самосохранении, только о защите своей власти над большинством, — истощил все свои здоровые силы и умирает. На его место неуклонно продвигается класс, который в деле создания культуры принимал участие только физическое и подневольное. Чем шире и глуб-

же будет развито в этом классе сознание ценности человека, мощности его способностей, свободы его творчества, — тем скорее и вернее он пойдет к своей цели.

У нас, в Союзе Советов, авангард рабочего класса уже хорошо начинает понимать связь и взаимодействие всех творческих и трудовых процессов, действительный смысл всей исторической работы бесчисленных поколений трудящихся. Мне кажется, что эта новая культурная сила должна поставить на место всех временных истин единственную, которая заслуживает имени вечной истины: труд, соединяющий в себе познание, исследование, творчество.

А. Пешков

17.III.28.
Sorrento

¹ Воронский под псевдонимом Л. Анисимов выступил со статьей «Вопросы художественного творчества» в журнале «Сибирские огни» (1928, № 1). Горький знал, что статья принадлежит Воронскому. Настоящее письмо явилось ответом на эту статью и было опубликовано в «Сибирских огнях» (1928, № 2) под заглавием «О себе».

В первом разделе статьи Воронский повторил ряд положений своей статьи «О Горьком». Он вновь приписывал Горькому взгляд «на природу, на космос как на хаос» и писал, что от этих взглядов «прямая дорога к философскому и художественному солипсизму».